

В. Рыжаков

Как мы с мамой ходили на базар

Рассказ

Зовут меня Наташей. Фамилия моя Чугрина. А маму зовут Катей или Екатерина Федоровна.

А папы у меня нет. Мама говорит, что он был, но сплыл. А куда он сплыл и по какой реке, я не знаю. И мама не знает. Мама говорит, что папа был пловцом хорошим и сплыл он далеко, так далеко, что его не нашла даже наша водная милиция.

– А может, он утоп, мама?

– Утоп, доченька. Для нас с тобой утоп.

И остались мы с мамой вдвоем.

У нас однокомнатная квартира.

Раньше, когда я была совсем маленькой, с нами, говорит мама, жила бабушка. А вернее, не она с нами жила, а мы жили с ней. А потом бабушка заболела и умерла.

Я не помню, когда это случилось, но мама сказала: немножечко попозднее, чем смылся мой папа.

– Он что, мама, – спросила я, – намылился, нырнул в реку обмыться и утоп?

– Да, доченька, именно так все и было. Намылился, смылся и утоп. И больше о нем не говори. Ты ведь у меня умная и почти совсем большая. Тебе уже стукнуло пять лет.

Пять лет... А когда они стукнули, я не слышала. Видно, очень тихо стукнули. Не как Васька, наш сосед. Он уж стукнет так стукнет.

И все-таки я, хоть и умная, а не удержалась и спросила маму:

– Мам, а по какому месту они меня стукнули?

– Кто? – спросила мама.

– А эти... мои пять лет?

– Глупенькая, – засмеялась мама. – Никто тебя не стучал. Просто ты в этот день родилась. Пятого мая. Помнишь, мы к бабушке на могилку ходили?

– Конечно, помню. Это же было совсем недавно.

Сначала мы ехали на трамвае, потом на троллейбусе, потом на автобусе, потом шли пешком.

По краям дороги перед кладбищем продавали цветы. Много-много цветов. Но мама сказала, что они ненастоящие, а бабушка неживые цветы не любила, и мы ничего не купили.

Мама сказала: «Лучше купим тебе мороженое. Бабушка на нас не обидится, потому что она очень тебя любила».

В воротах кладбища нас встретили большие собаки и нищие старухи. Собаки ласково виляли хвостами, а нищие старухи протягивали к нам сухие костлявые руки.

– Подайте, Христа ради.

– Самим-то бы кто подал, – неслышно и почему-то сердито шептала мама.

И нам подали.

Встречная тетя угостила меня двумя большими конфетками. На оберточных бумажках стояли красивые белые медведи.

Одну конфетку я тут же съела сама, а вторую подарила маме. Обертку я не выбросила, а разгладила и сунула в карман сарафана, а дома спрятала в свою шкатулку – картонную коробку из-под туфель...

Мама не знает, но у меня там хранятся два медведя. Конфетку, которую я подарила маме, она потом подарила мне.

А мороженое мы так и не купили.

День был жаркий. Мы с мамой утомились, и я всю обратную дорогу спала. У мамы на руках. И в автобусе спала, и в троллейбусе спала, и в трамвае спала.

Ничего. Зато мама обещала купить мне то мороженое сегодня.

Сегодня воскресенье и мы идем на базар.

Я проснулась рано-рано. Так рано, что даже на улице не слышно было ни звука. Я тихонечко встала, прокралась на кухню и забралась на табуретку. Потому что мы живем на четвертом этаже и без табуретки в окно мне видно только небо и солнышко.

Небо было чистое, а солнышко какое-то красно-полусонное и ленивое.

На улице ни души.

Нет. Вон откуда-то выскочила большая рыжая кошка, а за ней тут же из кустов выпрыгнула маленькая взъерошенная собачка. Она подбежала к кошке, обнюхала ее. Кошке это не понравилось, и она шутливо стукнула лапой собачке по носу. Собачка гавкнула и убежала куда-то по своим делам.

На подоконник ко мне впрыгнула наша черно-белая Муська. Ласково потерлась о мои голые ноги. Я взяла ее на руки, и мы с ней снова легли спать. Кошка нежно замурлыкала, и я тут же уснула.

И приснилось мне... Ой, ни за что не угадаете, кто...

Бык. Я его никогда и живого-то не видела. А тут большущий, волосатый, рогатый. И как только он к нам по лестничной клетке поднялся?

Стоит будто бы в прихожей и огромную лобастую голову в комнату протянул.

– Я, – говорит, – Екатерина Федоровна, к Вам.

– Зачем? – спрашивает мама.

– Корова, – говорит, – у меня что-то захворала. А Вы сестра милосердия. И не просто сестра, а старшая сестра. Вы, говорят, человек добрый. Вы и в больнице, и дома всем помогаете: и людям, и кошкам, и собакам. Вот я и подумал...

– А что с ней?

– Не знаю.

– А где она?

– Да туточки – рядом.

Мама устало вздохнула, надела белый халат, и мы пошли.

Спустились на крыльцо, глядим и глазам своим не верим. Перед домом не улица, а зеленая лужайка, усыпанная ромашками, и стоит печальная красная корова с грустными глазами.

Мама спрашивает:

– Что с Вами?

– Ой, – говорит корова, – и сама не пойму. То ли съела чего, то ли попила не того. Дует в животе и урчит. И в голове муть.

Мама вынула из своей медицинской сумки целую горсть таблеток и сунула корове в рот.

– Глотай.

Затем достала большущий шприц и сделала корове в ногу укол.

И, чудо, корова сразу повеселела. И бык повеселел. Он даже подмигнул мне.

– А теперь, – говорит, – пойдете с нами.

Повели они нас с мамой к деревенской избе. Корова вынесла со двора ведро молока, ведерко сметаны, ведерко творога, ведерко желтого топленого масла и огромный кусок сливочного. Такой большой, что мы с мамой даже растерялись.

– Да берите, берите, – успокоила корова, у нас свое – не купленное.

И тут меня разбудила мама.

– Ты что-то, дочка, заспалась сегодня. Чай пора пить.

– А сметану...

– Какую сметану?

– Ох, мамочка! – и я рассказала ей про свой сон. И про быка, и про корову.

Я думала, мама засмеется, а она лишь вздохнула и сказала:

– Жаль, что такое, доченька, только во сне бывает. А то бы мы с тобой жили припеваючи.

– А мы и так, мама, живем с тобой припеваючи, – сказала я. – И ты, когда шьешь на машинке из своего старого платья мне сарафан, поешь, и я, когда укладываю куклу спать, пою.

– Собирайся, певица, – усмехнулась мама, – не то мы и на базар-то опоздаем.

И только она это проговорила, к нам в дверь кто-то позвонил. Мама открыла – соседка Даша. Растрепанная, в ночной рубашке.

– Катя, миленькая, – и навзрыд заплакала.

Оказывается, пока я ночью смотрела сон, мой приятель – Васька – заболел.

– Лежит, как пласт. Температура – сорок.

Мама дала Ваське таблетку и сделала укол. Точь-в-точь, как ночью корове. Но Васька, как во сне корова, сразу не повеселел. Ваську увезли на «скорой помощи» в больницу.

Тетя Даша уехала вместе с Васькой. А Васькин отец, дядя Коля, все ходил по комнате и бубнил:

– Ведь надо же... Ведь надо же...

– Что надо же? – спросила мама.

– Да вчера мы с Василием ездили на озеро рыбу удить и искупались: жара стояла, взмокли.

– Дурак, – сказала мама, и мы ушли к себе.

Ясно, дурак. Кто это в начале мая купается? Вода-то еще ледяная.

– Ну и дурак, – повторила мама, сердито сняла с гвоздя сумку, и мы отправились на базар.

Возле дома нам встретилась старушка баба Маня. Она долго рассказывала маме, как она вчера ходила в поликлинику, а потом долго рылась в своей старой сумке, достала, наконец, бумажку и сказала:

– Ты уж, Екатерина Федоровна, почитай, пожалуйста, что мне врач-то написала.

Мама прочитала и сказала:

– Это рецепт. Врач Вам выписал «Корвалол». Принимать по пятнадцать-двадцать капель три раза в день.

– А еще, Екатерина Федоровна, – сказала баба Маня, – у меня что-то по ночам — вот тут вот колет, – и она приложила тощую руку к правому боку.

– А врачу-то Вы говорили? – спросила мама.

– Сказывала, – вздохнула старуха. – Она пощупала и ничего не нашла. А бок-то болит.

– На рентген ходите.

– Ходила. И там ничего не углядели. И так и этак вертели, а толку никакого.

– А Вы помассажируйте, баба Маня, оно постепенно и пройдет.

– Постепенно-то оно, ясно, пройдет. У моей свахи вон прошло.

– Ну вот видите. И у Вас пройдет.

– Так умерла сваха-то.

Мама смутилась.

А старуха сказала:

– Вы бы мне, милая, хоть как в прошлом году банки поставили. Тогда мне полегчало.

– Хорошо, Мария Алексеевна, я зайду к Вам.

Фу! Ну, наконец-то, бабка отвязалась от нас и то только потому, что к ней подошла другая старуха.

Мы с мамой обрадованно пошли почти бегом.

И тут стоп. Опять остановка.

У магазина «Хозтовары» нам преградил дорогу какой-то молодой дядька. Высокий, здоровенный.

– А-а-а, Екатерина Федоровна, сколько лет, сколько зим!

– Добрый день, Николай Григорьевич, – охотно и радостно ответила мама. – Как Ваша язва? Не тревожит?

– Не-ет, что ты. Я уж давно позабыл про нее. А это твоя красавица?

– Да. Наташенька.

– Вся в маму, – он наклонился, взял мою руку и поцеловал ее.

Губы у него были мягкие и влажные.

Я отвела руку и вытерла ее о свое платье.

Я не люблю, когда меня целуют чужие дядьки. Руку-то еще ладно, а то все лицо обмусолят и думают, что это кому-то приятно.

А мама с дядькой говорили и говорили. Что-то вспоминали.

– А помнишь?..

– А помнишь?..

Рассказывали о чем-то друг другу и громко смеялись. Особенно мама. Такой веселой и счастливой я не видела ее уже давно. Даже прохожие, и те оглядывались на нее с нескрываемой завистью.

Я дергала маму за руку, тянула ее, нарочно хныкала, но мама отмахивалась от меня как от назойливой собачонки.

– Постой, дочка. погоди.

И опять.

– А помнишь?..

– А помнишь?..

Я глядела на дядьку с ненавистью и вдруг, неожиданно для себя, громко сказала:

– Я писать хочу.

Мама с дядькой умолкли. Но мама, ох уж эта моя мама, огляделась и шепнула:

– А ты вон в те кустики сбегай.

– Да-а-а, – притворно застонала я, – там собака.

Никакой собаки, конечно, в кустах я не видела.

– Кыш! – топнул ногой дядька.

И, к великому моему удивлению, в кустах действительно загавкала собака.

Мама торопливо, но неохотно попрощалась с дядькой, и мы, наконец-то, зашагали на базар.

Он от нашего дома не очень далеко, но и не очень-то близко. Можно было бы доехать и на трамвае – быстрее. И мне нравится на трамвае, но маме не нравится. И я знаю, почему. На трамвае надо брать билеты. Туда – билет и обратно – билет, а это, как говорит мама, целый килограмм картошки.

Лучше уж мы прогуляемся. И полезно, и выгодно.

Погода сегодня теплая и солнечная. На небе белые облака. Много-много облаков, но солнышко как-то умудряется обходить их стороной и светит почти всегда. Мы с мамой даже вспотели. Мама-то ничего, а у меня и на носу, и на лбу, и под носом появились капельки. Проведешь ладошкой – мокрая.

Перед базаром сидели рядочком на опрокинутых ящиках и тетеньки, и дяденьки. И то ли они загорели, то ли были неумытыми – не поймешь.

И торговали они всякой всячиной: и носками, и варезками, и железками, и валенками, разложенными прямо на тротуаре.

Один дядька продавал даже нарядных крошечных котят.

Я, было, рванулась к ним, но мама меня удержала, и мы прошли мимо.

А вот и базар.

Народу-у-у-у...

– Держись крепче, – строго сказала мама, – и не брыкайся.

Мы протиснулись под навес в молочный ряд.

Тетеньки стояли в таких же, как у мамы, белых халатах и все предлагали пробовать. И мы с мамой охотно пробовали.

Кусочки творога брали прямо руками, сметану лизали с пластмассовой крышки, которую мама достала из своей сумки, а молоко и масло мы не пробовали.

– Берите, берите.

Но мы ничего не взяли.

– Дорого, – сказала мама.

– Да я уступлю. Сколько вам, сколько?

Однако мама настойчиво потянула меня в мясной отдел.

Тут тоже все были в белых халатах, даже бородатый дядька с огромным топором.

– Свининки! Свининки!

– Говядины! Говядины!

А бородатый дядька со всего маха тяпнул своим страшным топором по опаленной поросячьей голове.

Я вскрикнула и зажмурилась.

Мама прижала меня к себе, и мы торопливо перешли во фруктовый ряд.

Перешли и обмерли от удивления.

На высоких прилавках высоченные горы фруктов. И нарядные крупные яблоки, и аппетитная груша, и кислые желтые лимоны, и мандарины, и апельсины, и такие, название которых я вовсе и не знала.

Проходя мимо особенно высокой горы сочных апельсинов, я не удержалась, украдкой от мамы поднялась на цыпочки и цапнула.

Гора рухнула, и нас с мамой чуть не по колени завалило фруктами.

Я так перепугалась, что даже не помню, когда выронила из руки свой апельсин.

И хорошо сделала, а то бы...

А так ни мама, ни усатый дядька за прилавком ничего толком не поняли.

Мама гневно смотрела на черного продавца, а тот недоуменно и виновато глядел на маму и лепетал:

– Ай-яй-яй-яй-яй, – выбежал из-за прилавка и суматошно начал подбирать свои апельсины.

Мы с мамой помогли ему.

– Где вы живете? Где вы живете?

– В городе, – сердито ответила мама.

Но усатый продавец не обиделся, а, наоборот, положил маме в сумку несколько апельсинов, а мне протянул два большущих красных яблока.

– Спасибо, – подобрела мама, – только в следующий раз укладывайте поаккуратнее.

– А все-таки...

– Пойдем, доченька. Нам еще картошки купить надо.

Картошку мы выбирали долго.

Нам хотелось купить и получше, и подешевле.

В конце прилавка одиноко и забыто стояла бабушка в черном полушалке. Она, поджав губы, отрешенно смотрела на базарную толкотню, даже на нас, когда мы подошли к ней, поглядела с печальным равнодушием и устало спросила:

– Сколько вам?

– Два килограмма.

Старушка молча взяла у мамы пакет, молча взвесила на безмене и молча протянула маме.

Мама положила пакет в сумку и долго шарила – искала кошелек с деньгами – и вдруг тревожно прошептала:

– А ведь я его дома на окне оставила.

Вынула пакет с картошкой из сумки и поставила перед старушкой.

– Извините. Я деньги забыла.

– Да Бог с ними, – вздохнула старушка. – Берите. У меня сегодня година. Внучка моего, Ванечку, в прошлом году в Чечне убили. Возьмите, милые, на помин безгрешной души его.

Вот так мы с мамой и сходили на базар.

Ильинская, 32 – 41

Рыжаков В.С.